

УДК 327.57

Н.А. Шавеко**JUS POST BELLUM КАК РАЗДЕЛ ТЕОРИИ СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЫ**

Рассматриваются проблемы, поднимаемые в рамках теории справедливой войны применительно к вопросу о справедливом завершении войны (*jus post bellum*). Показывается, что в современной научной литературе отсутствует даже четкая постановка предмета *jus post bellum*, не говоря уже о широком консенсусе относительно конкретных моральных вопросов, что отличает указанный раздел теории справедливой войны от других разделов. Выделяются три группы вопросов, которые различными авторами поднимаются под рубрикой *jus post bellum*: 1) Когда следует прекратить военные действия? 2) Кто должен понести ответственность за военные преступления? 3) Как гарантировать мир и безопасность на будущее после завершения войны? По каждому из указанных вопросов автором статьи приводятся точки зрения наиболее известных авторов, исследующих теорию справедливой войны, а также обосновывается собственная точка зрения. В частности, делается вывод, что война подлежит прекращению в том случае, когда перестают удовлетворяться принципы *jus ad bellum* (права на войну). Особое значение должны иметь принципы правого дела, крайнего средства и соразмерности. Обосновывается сфера ответственности политических лидеров, военного командования, рядовых комбатантов, а также гражданского населения в нарушении принципов справедливой войны. Несмотря на то, что ответственность гражданского населения за его политическую пассивность принципиально допустима, сложность состоит в том, что сами критерии деликтоспособности во многом ориентируются на типичные характеристики гражданского населения. Показывается, что завершающий войну мирный договор или иной акт, чтобы стать гарантией мира и безопасности в будущем, должен заслужить легитимность со стороны населения всех воевавших государств. Другая такая гарантия состоит в реформировании ООН с целью повышения его эффективности. Наконец, обосновывается, что послевоенная реконструкция (имеющая целью безопасность, правопорядок и развитие) – это задача всех вовлеченных сторон и мирового сообщества в целом.

Ключевые слова: справедливая война, послевоенная реконструкция, окончание войны, военные преступления, ООН, гуманитарное право, Римский статут, *jus post bellum*.

DOI: 10.35634/2587-9030-2022-6-3-359-368

Ссылка на статью:

Шавеко Н.А. *Jus post bellum* как раздел теории справедливой войны // Вестн. Удм. ун-та. Социология. Политология. Международные отношения. 2022. Т. 6, вып. 3. С. 359–368. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2022-6-3-359-368>

Введение

Публикацию в 1977 году работы Майкла Уолцера «Справедливые и несправедливые войны» можно назвать началом современного этапа развития теории справедливой войны. Традиционно в этой теории выделяют две основные части. Первая часть, *jus ad bellum*, или право на войну, касается критериев, при соблюдении которых начало войны считается справедливым. Например, согласно действующему международному праву, допускается применение вооруженных сил в порядке самообороны, а также по мандату Совбеза ООН для защиты мира и безопасности, предотвращения массовых и грубых нарушений прав человека. Вторая часть, *jus in bello* – право на войне – касается критериев, при которых конкретные военные действия считаются оправданными. Здесь, например, указывается на недопустимость применения некоторых видов вооружений, на защиту гражданских лиц и гражданской инфраструктуры. Причем в научном сообществе сложился прочный (впрочем, по нашему мнению, неоправданный) консенсус относительно шести принципов *jus ad bellum* и двух принципов *jus in bello*. Но гораздо реже уделяется внимание еще одной части – *jus post bellum* – праву после войны. В результате в научном сообществе нет консенсуса ни относительно предмета *jus post bellum*, ни относительно соответствующих принципов. Ниже мы попытаемся разобраться в данной проблематике и предложить свои решения.

Теоретические основания

Теория справедливой войны имеет давнюю историю. Многие известные мыслители высказывали свои моральные суждения относительно справедливости тех или иных войн. Гуго Гроций, Эмер де

Ваттель и другие философы стоят у истоков современной традиции. На сегодняшний день существует множество «классиков» теории справедливой войны, например М. Уолцер, Дж. МакМахан, Б. Оренд, Н. Фоушин, Д. Любэн и др. [1]. В западной науке имеется целый пласт литературы на указанную тему. По своей сути теория справедливой войны противостоит крайностям милитаризма и пацифизма, а также взгляду, который можно обозначить как реализм, и согласно которому моральные суждения о войне невозможны в принципе (*inter arma silent leges*). Поэтому теоретическим основанием нижеследующих рассуждений является лишь вполне определенный пласт нормативных исследований о войне, противостоящий милитаризму, пацифизму и реализму.

Метод

Любые моральные суждения о справедливых и несправедливых войнах, как представляется, предполагают принятие морального реализма, то есть из позиции, согласно которой моральная истина существует, и морального когнитивизма, то есть позиции, что моральные суждения могут быть истинными и ложными. При этом мы полагаем, что объективность моральной истины автоматически означает ее универсальность, что не тождественно отсутствию чувствительности к конкретным обстоятельствам. Мы также исходим из этики правил, предполагая, что базовые принципы теории справедливой войны обосновываются в конечном счете не пользой и не представлениями о достойной жизни. Наконец, мы считаем, что принципы справедливой войны должны соответствовать некоторым общим принципам справедливости, на роль одного из которых претендует, в частности, принцип равенства людей в их ценности, равной заботы о них и уважения к ним. В совокупности указанные предпосылки образуют методологические рамки исследования.

Результаты

Когда следует прекратить военные действия? Первый вопрос, которые мыслители ставят перед собой под рубрикой *jus post bellum*, это вопрос о справедливых основаниях окончания войны. Иными словами, когда война должна быть остановлена? Существует множество точек зрения на этот счет, но, по-видимому, никто из теоретиков не считает, что целью справедливой войны является безоговорочная капитуляция противника.

М. Уолцер видел цель войны в восстановлении справедливости. Но эта цель, по мнению ученого, достигается не обязательно через восстановление статус-кво (возврат к довоенным границам, возмещение ущерба и т. п.) и принятие таких мер, которые позволили бы сохранить статус-кво в будущем (выработка новых соглашений в области мира и безопасности и т. п.). Восстановление справедливости, по Уолцеру, может подразумевать переопределение прежних границ (например, признание права отдельных территорий на автономию или сецессию), смену режима страны-агрессора (например, нацистской Германии), оказание ей материальной помощи странами-победительницами в целях восстановления политической и экономической стабильности [2. Р. 938-942]. С подачи Уолцера в современной теории справедливой войны считается общепризнанным, что возврат в статус-кво зачастую означает возврат к причинам, вызвавшим войну, и потому недопустим.

Б. Оренд заключает, что существует три условия справедливого завершения войны:

- 1) нарушения прав человека (вызванные агрессией и т. п.) должны быть прекращены, а все полученные за счет несправедливой войны преимущества должны быть устранены;
- 2) военные преступления, связанные с нарушениями как с *jus ad bellum*, так и с *jus in bello*, должны повлечь ответственность в виде не только судебных процессов над конкретными лицами, но и в виде выплаты разумных репараций жертвам войны;
- 3) необходимо предпринять меры, направленные для предотвращения войны в будущем (демилитаризация, смена режима, изменение границ и т. п.) [3. Р. 225-226].

Таким образом, надлежащее завершение войны, по мнению ОRENDA, связано с указанными тремя условиями, которые, собственно, можно рассматривать как экспликацию тезиса о восстановлении справедливости. Причем вопроса о моменте прекращения войны касается напрямую лишь первое условие.

Между тем, не всегда восстановление справедливости возможно. В конечном счете, победить может агрессор. Поэтому точка зрения Уолцера и ОRENDA может быть подвергнута критике. С нашей точки зрения, общее морально убедительное правило состоит в том, что война должна прекратиться в

тот самый момент, когда перестал удовлетворяться хотя бы один из принципов *jus ad bellum*. Действительно, если мы считаем, что при определенных обстоятельствах начало военных действий допустимо, то отпадение этих условий делает военные действия нелегитимными. Представляется, что наиболее убедительными принципами *jus ad bellum* являются следующие. Во-первых, принцип достаточного основания (т. е. «just cause»). Военные действия допустимы в качестве самообороны или, по крайней мере по мнению части мыслителей, гуманитарной интервенции. Если посягательство закончилось, то и война больше не является самообороной. Если миру и безопасности, правам человека больше ничего не угрожает, то гуманитарная интервенция не обоснована. Во-вторых, принцип крайнего средства. Если цели войны с разумной вероятностью могут быть достигнуты невоенными методами, войну развязывать нельзя, а начатую войну следует прекратить. В-третьих, принцип соразмерности. Если издержки и ущерб, связанные с войной, перевешивают предполагаемые выгоды, то эта война больше не имеет смысла. Поэтому даже самооборона не всегда оправдана.

В итоге получается, что достижение целей «правого дела» (прекращение имевших место на войне нарушений прав человека и устранение несправедливо достигнутых в ходе войны преимуществ) – наилучший, но не единственный повод для прекращения войны. Войну следует прекратить, например, и в случае, если принцип соразмерности в случае продолжения войны с очевидностью не будет выполнен, либо если имеются разумные основания полагать, что цели «правого дела» могут быть достигнуты невоенными способами (не удовлетворяется критерий крайнего средства). То же самое правило, как мы полагаем, распространяется и на случай капитуляции жертвы в результате победы агрессора. С одной стороны, весьма странно ставить условия для прекращения самообороны, поскольку самооборона является правом, а не обязанностью государства. С другой стороны, государство обязано защищать права человека своих граждан. Поэтому представляется правильным, что Оренд обращает внимание на критерии допустимости капитуляции. Государство должно руководствоваться правилом максимального содействия правам человека своих граждан. Следовательно, сдача допустима, когда сопротивление не удовлетворяет требованиям соразмерности, крайнего средства и т. п. Что касается агрессора, то он, как правило, должен прекратить войну немедленно. Сложно представить себе исключение из этого правила, когда несправедливо начатая война с учетом изменившихся обстоятельств стала справедливой. Уолцер, чтобы доказать возможность такой ситуации, приводит в пример присутствие американских войск в Ираке, доказывая, с одной стороны, отсутствие у США справедливых оснований для начала войны, а с другой стороны – необходимость присутствия армии США в Ираке для ликвидации последствий необоснованного вторжения [4]. Но в целом подобная необходимость весьма сомнительна.

Д. Любэн, рассматривая под рубрикой «*jus ex bellum*» вопрос о том, до какого момента следует продолжать боевые действия, утверждает, что существует некий уровень риска возникновения войны, который государства должны считать допустимым с учетом несовершенства международного правопорядка (и называет этот уровень *morally justified/legitimate bearable risk*). Основная мысль данного автора заключается в том, что боевые действия нельзя продолжать ради снижения риска нарушений прав человека в государстве-победителе ниже этого уровня, поскольку в этом случае создаются существенные риски нарушений прав человека в проигравшем государстве (этот принцип автор называет *just management of military risks*) [5. Р. 45-77; 6. Р. 751-780]. Однако в чем именно заключается требуемый уровень и как его определить? К сожалению, ученый не дает определенных ответов на эти вопросы. На наш взгляд, определенности можно достигнуть, обратившись к принципам соразмерности и крайнего средства.

Итак, основное правило состоит в том, что войну следует прекратить в том случае, если отпали основания для ее начала. Иными словами, когда мы рассматриваем вопрос о том, когда военные действия должны быть прекращены, мы скорее должны ориентироваться на принципы *jus ad bellum*, а не изобретать какие-то особые принципы *jus post bellum*. Этот вывод противоречит позиции таких ученых, как Б. Оренд и Х. Сисе, которые пытаются разработать специальные принципы прекращения войны, которые, впрочем, весьма напоминают принципы *jus ad bellum* [3. Р. 232-233, 258; 7. С. 131-132].

Кто должен понести ответственность за войну? Вторая группа проблем касается привлечения к ответственности виновных в военных преступлениях лицах.

Согласно общераспространенному взгляду, политические лидеры ответственны, как правило, за нарушение принципов *jus ad bellum* (т. е. за развязывание войны), что, конечно, не исключает их возможной ответственности за конкретные военные операции; в обоих случаях степень ответствен-

ности определяется полномочиями по занимаемой должности. Военное командование ответственно за соблюдение принципов *jus in bello* ими самими и подчиненными им солдатами в той мере, в которой оно могло на них повлиять (Уолцер предлагает правило презумпции виновности офицеров). «Мы можем заключить, – пишет П. Кристофер, – что офицеры, которые не предприняли мер по предотвращению военных преступлений, или по аресту и наказанию тех, кто совершил военные преступления, сами разделяют вину за эти преступления» [8. Р. 164].

Как правило, наказание политических лидеров и высшего военного командования рассматривается как важный шаг к восстановлению справедливости. Между тем, в научной литературе встречается и точка зрения, согласно которой принцип неотвратимости ответственности не должен быть абсолютным, поскольку этот принцип является лишь одним из многих политических благ: «Долг мира должен перевешивать долг правосудия» [9. Р. 404-406]. С нашей точки зрения, в этом отношении применимы те же моральные доводы, которые действуют в отношении других случаев привлечения к ответственности. В конце концов, уголовное право также знает множество оснований освобождения от уголовной ответственности и от наказания.

Большее единение ученые демонстрируют во мнении, что рядовые комбатанты, вследствие их обязанности соблюдать приказы командования, далеко не всегда подлежат ответственности за совершенные ими военные преступления. Дж. Ролз категорично утверждает, что солдаты агрессора не могут отвечать за развязывание войны (*jus ad bellum*): «В армию солдаты часто попадают не добровольно, а в результате мобилизации или других форм принуждения; им насильно внушают воинскую идеологию; а их патриотизм часто бессердечно эксплуатируется» [10]. С ним солидарны и другие ученые, которые, однако, указывают, что в некоторых случаях солдаты несут ответственность за нарушение *jus in bello*. Так, по мнению Д. Любэна, неправильно требовать от каждого комбатанта рефлексии о справедливости войны, которую они ведут (во-первых, данный вопрос достаточно сложный даже для ученых и философов; во-вторых, политические и боевые условия, при которых этот вопрос ставится, не способствуют его быстрому и правильному решению; в-третьих, сама сущность вооруженных сил предполагает, что приказы командиров предполагаются законными и не обсуждаются).

Однако иногда несправедливость войны настолько очевидна, что и комбатант должен ее распознать (в качестве примера Любэн ссылается на ст. 33 Римского статута Международного уголовного суда 1998 г.) [11]. М. Уолцер также делает скидку на затруднительность для комбатанта выносить суждения о справедливости, но в качестве примера, где возможна ответственность простых солдат, называет массовое убийство в Сонгми (1969) [12. Р. 309-316]. Сегодня нормы обычного международного гуманитарного права также гласят, что комбатант не имеет права подчиняться явно незаконному приказу командира, а подчинение такого приказа не освобождает его от ответственности [13]. Кроме того, Уолцер предлагает различать «иерархические» и «внешние» моральные обязанности офицеров и комбатантов [14. Р. 23-32]. Так, несмотря на то, что воинская субординация не предполагает заботы о нематериальных объектах и гражданском населении противника, это не снимает с офицеров и комбатантов определенные обязанности (например, не снижать свои риски за счет гражданского населения, даже если это может стоить им жизни).

Д. МакМахан и Б. Оренд более «оптимистично» оценивают способности солдат выносить суждения о справедливости, причем как по вопросам *jus ad bellum*, так и по вопросам *jus in bello*. Для М. Уолцера ответственность солдат за развязывание войны, то есть за нарушение принципов *jus ad bellum*, исключена, в связи с чем он полагает, что мы можем ставить лишь вопрос о том, виновен ли солдат в нарушении принципов *jus in bello*. Но МакМахан, возражая, говорит о том, что солдаты не должны всецело полагаться на политических лидеров и военачальников в вопросах о начале войны: во-первых, в прошлом очень часто солдаты участвовали в несправедливых войнах именно потому, что их правители ошибались или обманывали их, во-вторых, несмотря на важность воинской дисциплины, справедливо начатые войны (в отличие от начатых несправедливо) редко кажутся их участникам начатыми несправедливо, поэтому если имеются сомнения в обоснованности развязывания войны, у этих сомнений, как правило, есть основания [15. Р. 703-704]. Мы видим, что оба этих аргумента покоятся на социологических допущениях. Представляется поэтому, что следует установить для солдат презумпцию справедливости той войны, которую начало их правительство, а следовательно, и презумпцию подчинения ему. Но МакМахан предлагает и более фундаментальный аргумент, не связанный с оценкой вероятностей. Действительно, подобно гражданским и правоохранительным служащим, военнослужащие должны сохранять некоторую лояльность институтам, которым они служат.

Однако ученый настаивает, что некоторые общественные институты настолько несправедливы, что теряют свою легитимность, и у человека отсутствуют моральные обязательства поддерживать их, скорее существуют моральные обязательства их не поддерживать (кроме того, даже справедливый институт может поручить совершить несправедливость) [15. Р. 704-708]. Другие авторы по схожим мотивам оспаривают правомерность действий солдат, защищающих свое правительство от международного сообщества, правомерно действующего в рамках гуманитарных интервенций [16. Р. 48].

Этот тезис спровоцировал постановку учеными другой проблемы: если солдаты должны вопреки указаниям начальства отказаться от участия в несправедливой войне, имеют ли они аналогичную обязанность участвовать в справедливой войне в случае, если это противоречит указаниям начальства?

Вместе с тем, МакМахан полагает, что в большинстве случаев солдаты государства-агрессора не подлежат ответственности за участие в несправедливо развязанной войне, однако вовсе не в силу их невиновности. Здесь он приводит прагматические аргументы: во-первых, весьма проблематично организовать привлечение такого огромного числа людей к ответственности, тем более что у большинства из них найдутся извинительные причины (не знал всех обстоятельств, был подвержен пропаганде и влиянию политиков, был принужден и не мог отказаться под угрозой серьезного наказания и т. п.); во-вторых, привлечение к ответственности будет организовывать государство-победитель, но в таком случае он будет судьей в своем деле, и справедливость приговоров окажется под сомнением; в-третьих, угроза суда будет удерживать солдат страны-агрессора от добровольной капитуляции [15. Р. 731; 17. Р. 114]. Со своей стороны отметим, что хотя аргументы МакМахана весьма убедительны, всё же они условны, а указанные в них трудности принципиально преодолимы. Ответственность гражданского населения является предметом дискуссий. С одной стороны, оно не может быть признано виновным в развязывании несправедливой войны, поскольку не принимает непосредственного решения об этом. С другой стороны, кажется разумным, что в такой ситуации каждый человек как моральное существо «должен сделать все возможное, за исключением принятия пугающих рисков, чтобы предотвратить или остановить войну» [12. Р. 301]. Дж. Ролз выступает против ответственности гражданского населения «необустроенных государств», так как оно неспособно повлиять на политику своих властей. Однако в демократических государствах, в отличие от авторитарных, народ имеет большие возможности по влиянию на решения политических лидеров, и на это обращают внимание другие авторы. По мнению Б. Оренда, «в той степени, в которой соответствующее государство является демократическим, моральная ответственность за развязывание войны может быть разумно воспринята как распространенная на всех граждан» [3. Р. 177]. Проблема, однако, заключается в том, что даже «задним умом» далеко не всегда понятно, что мог сделать конкретный человек, и что он должен был сделать. Вероятно, в худшем случае его можно упрекнуть в том, что он плохой гражданин, но не в том, что он несет общую со всеми ответственность за развязывание войны. Некоторые, впрочем, считают ответственным и среднестатистического немца нацистской Германии, хотя это государство явно не было демократическим [7. С. 64]. М. Уолцер, в свою очередь, возлагает особую ответственность на политическую элиту, поскольку у ее членов, как правило, больше возможностей по влиянию на принятие решений о начале войны, чем у обычных граждан [12. Р. 302]. Короче говоря, основная идея заключается в том, что чем больше у человека возможностей, тем больше он должен сделать, и тем большая ответственность на нем лежит.

От ответа на вопрос о виновности гражданского населения зависит вопрос и о допустимости репараций. Если обратиться к современному международному праву, то исследователи отмечают его развитие в направлении отказа от коллективной ответственности и неизбежного наказания граждан посредством чрезмерных требований о возмещении ущерба или санкций, либо, по крайней мере, учета экономического потенциала государства-нарушителя и минимально допустимых стандартов в сфере социально-экономических прав его населения [18. Р. 939-940]. Часто утверждается, что репарации должны быть не слишком обременительными и выплачиваться, в первую очередь, за счет конкретных военных преступников, а также лиц, кто поддерживал войну и наживался на ней [9. Р. 408-411].

При решении вопроса о возможности привлечения к ответственности за развязывание войны и военные преступления рядовых солдат и мирных жителей следует задать и такой вопрос: возможно ли обвинять человека в совершении преступления, которое совершило большинство его сограждан? Как представляется, сами по себе стандарты справедливости не зависят от мнений и решений большинства, но деликтоспособность лица оценивается с учетом среднестатистических действий и спо-

собностей людей, и в этом смысле критерий большинства играет свою роль. Так, следует считать виновным каждого солдата, который, понимая, что его государство проявляет агрессию, по приказу этого государства взялся за оружие, даже если таковых окажется подавляющее большинство; но мы не должны требовать от рядового солдата способности распознавать агрессивный характер войны, если для большинства солдат в его ситуации таковой не был бы очевиден. Аналогично мы должны осудить политическую позицию тех людей, которые способствовали развязыванию очевидно агрессивной войны, даже если таковых окажется подавляющее большинство, но мы не вправе требовать от человека такого поиска свидетельств (не)справедливости войны и такого их анализа, которые не соответствуют общепринятым стандартам.

Как гарантировать мир и безопасность в будущем? Наконец, третья группа проблем, развиваемая в рамках *jus post bellum*, касается обеспечения долгосрочных оснований мира и безопасности, связанных с изменением довоенного *status quo*. Эта сфера в науке проработана в наименьшей степени. Если обратиться к тем предложениям, которые высказываются западными учеными, то они обычно сводятся к двум идеям. Во-первых, утверждается, что стороны конфликта должны достичь таких договоренностей, которые обеспечат невозможность повторного начала боевых действий. Однако это кажется слишком общей и нереалистичной рекомендацией. Вот лишь некоторые риторические вопросы: все ли условия добровольного соглашения будут априори справедливыми? Не делает ли неравенство сторон в послевоенной ситуации любое соглашение недобровольным? Что делать, если стороны не достигнут такого соглашения? Во-вторых, предложения ученых сводятся к созданию такого послевоенного надгосударственного правопорядка, который исключит дальнейшие войны. Здесь авторы (М. Уолцер, Б. Оренд, А. Этциони, О. Хёффе и др.) соревнуются в своих проектах мирового политического порядка. Но, как представляется, данная проблематика уже выходит за пределы непосредственно теории справедливой войны. Полагаем, что новый мир и безопасность должны быть в любом случае справедливыми. Гарантированы же они должны быть не столько согласием всех воюющих государств с условиями мирного договора, сколько собственной легитимностью в смысле одобрения народами этих государств. Создание послевоенного государственного правопорядка следует рассматривать лишь как один из возможных способов гарантировать справедливый мир и безопасность.

На наш взгляд, действительно существенный вклад в решение рассматриваемой группы проблем внес доклад «Обязанность защищать», в котором предусмотрены следующие направления послевоенной «перестройки»:

- безопасность (разоружение, демобилизация, создание новых вооруженных сил и правоохранительных органов);
- правопорядок (восстановление деятельности судебных и правоохранительных органов, принятие базовых послевоенных нормативно-правовых актов, создание условий для возвращения беженцев);
- развитие (снятие экономических санкций, создание условий для экономического роста и скорейшее переложение ответственности за развитие на местные органы).

По мнению авторов доклада, полезные рекомендации для послевоенной «перестройки» могут быть выработаны при конструктивной адаптации гл. XII Устава ООН о международной системе опеки (например, ст. 76 Устава ООН предполагает способствование политическому, экономическому и социальному прогрессу населения территорий, находящихся под опекой, его прогрессу в области образования и его прогрессивному развитию в направлении к самоуправлению или независимости, как это может оказаться подходящим для специфических условий каждой территории и ее народов и имея в виду свободно выраженное желание этих народов, а также поощрение уважения прав человека и основных свобод). Особое внимание авторы доклада уделяют проблеме пробуждения местной инициативы (созданию политических процессов, способствующих перекалыванию ответственности за послевоенную «перестройку» и за кооперацию враждующих групп с международными на местных акторов).

Вместе с тем, нерешенным остается вопрос о том, на ком должно лежать бремя ответственности за послевоенное восстановление и как понудить ответственное лицо к соответствующим действиям. Совершенно очевидно, например, что в случае гуманитарных интервенций именно те государства, которые совершили вторжение, несут ответственность за то, чтобы по завершении операции не оставлять страну, на территории которой применялись вооруженные силы, без должного управления и правопорядка, наводненной оружием и конфликтами [9. Р. 386]. Но, по всей видимости, в более общей перспективе всё мировое сообщество обязано предпринять такие действия, чтобы агрессия в

будущем не повторилась. В обоих случаях справедливо утверждение Х. Сисе: «Всегда, однако, нужно стремиться к тому, чтобы международное участие было ограничено во времени, а все большая ответственность за восстановление и внутреннее управление страной и регионом постепенно передавалась бы населению этой страны или региона» [7. Р. 133].

Обсуждение

Теория справедливой войны касается настолько животрепещущих тем, что голоса исследователей, как правило, заглушаются голосами политиков и пропаганды, и это весьма прискорбный факт. Но *jus post bellum* занимает особое положение, потому что в этой области даже сами исследователи говорят порой о совершенно разных вещах, не будучи способными предложить политикам конструктивное и обоснованное решение возникающих в связи с послевоенным урегулированием проблем. Впрочем, данный факт, как представляется, лишь повышает актуальность рассмотренных выше вопросов. Во всяком случае, оценивая результаты научных дискуссий, важно понимать, что теория справедливой войны понимает войну в широком смысле, как любое применение вооруженных сил государством или связанными с государством военизированными группами.

Вместе с тем, три вышеприведенных группы вопросов, которые поднимаются в рамках *jus post bellum*, показывают не только неразработанность соответствующего направления, но и сомнительность его статуса как раздела теории справедливой войны. Так, если война подлежит прекращению при отпадении хотя бы одного из принципов *jus ad bellum*, то вопрос о справедливом моменте прекращения войны не является самостоятельным, а полностью зависит от *jus ad bellum* и решается в рамках *jus ad bellum*. В свою очередь, вопрос о том, какова должна быть ответственность за военные преступления, фактически представляет собой лишь часть дискуссий о юридической ответственности, но применительно лишь к отдельной группе составов правонарушений. Следовательно, он покрывается скорее теорией справедливого наказания, чем теорией справедливой войны. Не удивительно, что рекомендации теоретиков справедливой войны здесь крайне поверхностны. Ведь невозможно внятно ответить на вопрос о том, какое наказание за военные преступления оправдано, не углубившись в проблемы юридической ответственности в целом. Наконец, вопросы построения справедливого общественного устройства по окончании войны – это скорее общие вопросы справедливости, которые обычно обсуждаются в рамках политической теории (по сути, важно не когда мы выстраиваем тот или иной общественный порядок, т. е. после войны или в других обстоятельствах, а каким он должен быть, т. е. в чем собственно состоит справедливость). Не случайно теоретики справедливой войны при обсуждении проблем *jus post bellum* фактически переходят к проблемам устройства глобального правопорядка: невозможно понять, в чем должна заключаться послевоенная реконструкция в отрыве от более общего вопроса о справедливом миропорядке, ведь в современных условиях угроза миру и безопасности – это неизбежно глобальная проблема. В результате, *jus post bellum* представляет скорее комплекс вопросов, которые либо покрываются другими разделами теории справедливой войны, либо к собственно войне отношения не имеют. При таких обстоятельствах не удивительно, почему ученые так и не сформулировали внятные принципы *jus post bellum*: действительно, невозможно сформулировать единые принципы применительно к вопросам, которые даже ставятся порознь! Всё это, конечно, не говорит о том, что мы вообще не должны изучать вопросы, касающиеся *jus post bellum*. Скорее, это говорит о том, что на практике война порождает огромное количество моральных вопросов, в том числе таких, которые по большому счету должны решаться в мирное время.

Выводы

В современной научной литературе выделяется три группы вопросов, поднимаемых под условной рубрикой *jus post bellum*. Первый вопрос: когда следует прекратить военные действия? Несмотря на доминирующий в научной литературе подход, согласно которому цель войны состоит в восстановлении справедливости, не следует делать из этого вывод, что война может правомерно продолжаться вплоть до достижения указанной цели. Отпадение хотя бы одного из оснований для начала войны фактически означает отпадение оснований для ее продолжения. Соответственно, война подлежит прекращению в том случае, когда перестают удовлетворяться принципы *jus ad bellum* (права на войну). Второй вопрос: кто должен понести ответственность за войну? Отвечая на указанный вопрос,

необходимо различать политическое руководство, которое, как правило, отвечает за нарушение принципов *jus ad bellum*, военное командование (весь офицерский состав), которые, опять же как правило, в той или иной степени отвечают лишь за нарушение ими принципов *jus in bello*, и рядовых комбатантов. Последние, с точки зрения большинства ученых, не несут ответственность за участие в военных действиях, за исключением (скорее, чисто умозрительного) случая, когда несправедливость этих военных действий совершенно очевидна. В большей степени это касается именно *jus in bello*. Например, массовое убийство в Сонгми (1969) было очевидно несправедливым для всех соучастников. Существующее международное право, включая ст. 33 Римского статута и международно-правовые обычаи, исходит из итога, что комбатант не имеет права подчиняться явно незаконному приказу командира (например, связанному с геноцидом и преступлениями против человечности). Впрочем, привлечение комбатантов к ответственности зачастую не будет содействовать цели наказания, то есть становится неоправданным по прагматическим причинам. Наконец, ответственность гражданского населения государства-агрессора должна быть связана не с военными действиями указанного государства, а с политической (гражданской) активностью граждан. Чем более демократическим является государство, тем большую политическую ответственность за развязывание войны несут его граждане. Но вопрос об ответственности гражданского населения осложняется тем, что сами критерии деликтоспособности лица зависят от среднестатистических действий и способностей людей (иными словами, нельзя обвинять человека в том, что не мог осознать, предвидеть и предотвратить среднестатистический гражданин). Наконец, третий вопрос: как гарантировать мир и безопасность в будущем? Существенную роль здесь играет легитимность мирного договора, завершающего войну, в глазах населения всех воевавших государств, а также установление эффективных надгосударственных структур, обеспечивающих мир и безопасность (ООН в нынешнем виде вряд ли может похвастаться эффективностью). Причем, по всей видимости, послевоенная реконструкция (безопасность, правопорядок, развитие) – это задача всех вовлеченных сторон, а то и мирового сообщества в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Куманьков А.Д. Современные классики теории справедливой войны: М. Уолцер, Н. Фоушин, Б. Оренд, Дж. Макмахан. СПб.: Алетейя, 2019. 201 с.
2. Walzer M. The Triumph of Just War Theory (and the Dangers of Success) // Social Research. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2002. Vol. 69. No. 4. P. 925-944.
3. Orend B. War and international justice. A Kantian perspective. Waterloo (Ontario): Wilfrid Laurier University Press, 2000. P. 310.
4. Gordon D. "Unjust? So What?". Review of Arguing About War by Michael Walzer // The Mises Review 10. 2004. No. 3.
5. Luban D. Human Rights Thinking and the Laws of War. In J. Ohlin (Ed.), Theoretical Boundaries of Armed Conflict and Human Rights. ASIL Studies in International Legal Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.
6. Blum G., Luban D. Unsatisfying Wars: Degrees of Risk and the Jus Ex Bello // Ethics. 2015. Vol. 125. No. 3. Pp. 751-780.
7. Сисе Х. Справедливая война? О военной мощи, этике и идеалах. М.: Весь мир, 2007. 176 с.
8. Christopher P. The ethics of war and peace. New Jersey: Pearson, 1994. 288 p.
9. Bass G.J. Jus Post Bellum // Philosophy & Public Affairs. 2004. Vol. 32. Iss. 4. Pp. 384-412.
10. Полз Дж. Закон народов: неидеальная теория // Неприкосновенный запас. 2002. № 4 (24).
11. Luban D. Knowing When Not to Fight // The Oxford Handbook of Ethics of War. Ed. by Seth Lazar and Helen Frowe. 2018. Oxford: Oxford University Press.
12. Walzer M. Just and unjust wars. A moral argument with historical illustration. New York: Basic Books, 2006. 400 p.
13. Хенкергс Ж.-М. Исследование об обычном международном гуманитарном праве: лучше понимать и полнее соблюдать нормы права во время вооруженного конфликта // Международный журнал Красного Креста. 2005. Т. 87. № 857.
14. Walzer M. Arguing about war. New Haven & London: Yale University Press, 2004. 224 p.
15. McMahan J. The Ethics of Killing in War // Ethics. Chicago: The University of Chicago Press, 2004. Vol. 114. No. 4. Pp. 693-733.
16. Gross M.L. Moral Dilemmas of Modern War: Torture, Assassination, and Blackmail in an Age of Asymmetric Conflict. NY: Cambridge university press, 2009. 321 p.

17. McMahan J. *Morality, Law, and the Relation Between Jus Ad Bellum and Jus in Bello* // Proceedings of the Annual Meeting (American Society of International Law). 2006. Vol. 100. Pp. 112-114.
18. Stahn C. «Jus ad bellum», «jus in bello»... «jus post bellum»? Rethinking the Conception of the Law of Armed Force // The European Journal of International Law. 2006. Vol. 17. Iss. 5. Pp. 921-943.

Поступила в редакцию 21.07.2022

Шавеко Николай Александрович, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
Удмуртский филиал Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: shavekonikolai@gmail.com

N.A. Shaveko

JUS POST BELLUM AS A SECTION OF THE THEORY OF JUST WAR

DOI: 10.35634/2587-9030-2022-6-3-359-368

The article considers problems which are raised within the theory of just war in relation to the question of a just end to a war (jus post bellum). It is shown that in modern academic literature there is not even a clear understanding of the subject of jus post bellum, not to mention a broad consensus on specific moral issues. All this distinguishes this section of the theory of just war from other sections. There are three groups of questions that are raised by various authors under the heading of jus post bellum: 1) when should hostilities cease? 2) who should be held responsible for war crimes? 3) how to guarantee peace and security for the future after the end of the war? On each of these issues, the author of the article presents the points of view of the most famous authors who study the theory of just war, and also substantiates his own point of view. In particular, it is concluded that war must be stopped when the principles of jus ad bellum (right to war) cease to be satisfied. The principles of just cause, last resort and proportionality should be of particular importance. The scope of responsibility of political leaders, military commanders, ordinary combatants, as well as the civilian population in violation of the principles of just war is substantiated. Despite the fact that the responsibility of the civilian population for its political passivity is fundamentally permissible, the difficulty lies in the fact that the very criteria of legal capacity are largely guided by the typical characteristics of the civilian population. It is shown that a peace treaty or other act ending the war, in order to become a guarantee of peace and security in the future, must earn legitimacy from the population of all the warring states. Another such guarantee is the reform of the UN in order to increase its effectiveness. Finally, it is proved that post-war reconstruction (aimed at security, rule of law and development) is the task of all parties involved and the world community as a whole.

Keywords: just war, post-war reconstruction, end of war, war crimes, UN, humanitarian law, Rome Statute, jus post bellum.

REFERENCES

1. Kuman'kov A. D. *Sovremennye klassiki teorii spravedlivoj vojny: M. Walzer, N. Fotion, B. Orend, J. McMahan* [Modern classics of the theory of just war: M. Walzer, N. Fotion, B. Orend, J. McMahan]. SPb., 2019.
2. Walzer M. *The Triumph of Just War Theory (and the Dangers of Success)*. // Social Research. Vol. 69. No. 4. International Justice, War Crimes, and Terrorism: The U.S. Record (winter 2002).
3. Orend B. *War and international justice. A Kantian perspective*. Waterloo (Ontario), 2000.
4. Gordon D. "Unjust? So What?" Review of *Arguing About War* by Michael Walzer. // The Mises Review 10. No. 3 (Fall 2004).
5. Luban D. *Human Rights Thinking and the Laws of War*. In J. Ohlin (Ed.), *Theoretical Boundaries of Armed Conflict and Human Rights (ASIL Studies in International Legal Theory)*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.
6. Blum G., Luban D. *Unsatisfying Wars: Degrees of Risk and the Jus Ex Bello*. // Ethics, vol. 125, no. 3. 2015. P. 751–780.
7. Syse H. *Spravedlivaya vojna? O voennoj moshchi, etike i idealah* [Just war? On military power, ethics and ideals]. M., 2007.
8. Christopher P. *The ethics of war and peace*. New Jersey, 1994.
9. Bass G.J. *Jus Post Bellum*. // Philosophy & Public Affairs, no. 4 (32). 2004.
10. Rawls J. *Zakon narodov: neideal'naya teoriya*. [The law of peoples: a non-ideal theory] // Neprikosnovennyj zapas. № 4 (24). 2002.

11. Luban D. Knowing When Not to Fight. / In (Ed.), *The Oxford Handbook of Ethics of War*. Oxford University Press, 2018.
12. Walzer M. *Just and unjust wars. A moral argument with historical illustration*. New York, 2006.
13. Henckaerts J.-M. Issledovanie ob obychnom mezhdunarodnom gumanitarnom prave: luchshe ponimat' i polnee soblyudat' normy prava vo vremya vooruzhennogo konflikta. [Study on customary international humanitarian law: a contribution to the understanding and respect for the rule of law in armed conflict] // *Mezhdunarodnyj zhurnal Krasnogo Kresta*. T. 87. №857 (mart 2005 g.).
14. Walzer M. *Arguing about war*. New Haven & London: Yale University Press, 2004.
15. McMahan J. The Ethics of Killing in War. // *Ethics*. Vol. 114. No. 4, 2004.
16. Gross M.L. *Moral Dilemmas of Modern War: Torture, Assassination, and Blackmail in an Age of Asymmetric Conflict*. New York, 2009.
17. McMahan J. Morality, Law, and the Relation Between Jus Ad Bellum and Jus in Bello. // *Proceedings of the Annual Meeting (American Society of International Law)*. Vol. 100. 2006.
18. Stahn C. «Jus ad bellum», «jus in bello»... «jus post bellum»? Rethinking the Conception of the Law of Armed Force. // *The European Journal of International Law*. Vol. 17. No.5.

For citation:

Shaveko N.A. Jus post bellum as a section of the theory of just war // *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*. 2022. Vol. 6, iss. 3. P. 359–368. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2022-6-3-359-368> (In Russ.).

Received 21.07.2022

Shaveko N.A., Candidate of Law, Senior Researcher
Udmurt Branch of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Lomonosova st., 4, Izhevsk, Russia, 426004
E-mail: shavekonikolai@gmail.com